

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 2 (3658)

Четверг, 3 января 1957 г.

Цена 40 коп.

БОЛЬШОЙ НАКАЛ

Неугасающий огонь сталеплавильных печей не знает условных рубежей времени...

Все так же ревет и беснуется, бьет огненными лапами в заслонку и бело, нестерпимо слепит глаза пламя в печи...

Подвели итоги по социалистическому соревнованию и горняки двух шахт: Чистяковской шахты № 3-бис и Несветаевской «Западной-Капитальной».

Сколько тысяч десятков тысяч первых свершений произошло уже за два первых дня 1957 года!

ЭТО И ЕСТЬ СЧАСТЬЕ

В каждом доме по-разному встречали Новый год, но можно с уверенностью сказать, что самые первые слова у многих миллионов советских людей за праздничным столом обязательно охватили традиционные привычки и все же хорошие, сердечные слова.

У каждого свой идеал счастья. Но нет в любой семье сомневающихся, что счастье каждого из нас не отделимо от счастья Родины.

С БЕРЕГОВ НЕВЫ

Над широкой Невой легкий туман зимних сумерек. Воздух здесь кажется сдержанно суровым, даже слегка торжественным, как и подобает воздуху истории.

Там уже не история, не прошлое, начертанное штрихами суровой граверной а к жизни, овеянная мощным дыханием уверенности и силы.

От победной вознесенной Адмиралтейской иглы три прямые, как стрела, перспективные прорезают город, вальсы праздничными новогодними огнями.

Награждение эстонских писателей

За выдающиеся заслуги в развитии эстонского искусства и литературы в связи с декадой эстонского искусства и литературы в г. Москве Президиум Верховного Совета СССР награждает орденами и медалями большую группу писателей.

Когда говорят о просто рах, то обычно подразумевают степь, море... Но о Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина, хотя он и находится под крышей, с полным основанием можно сказать так же.

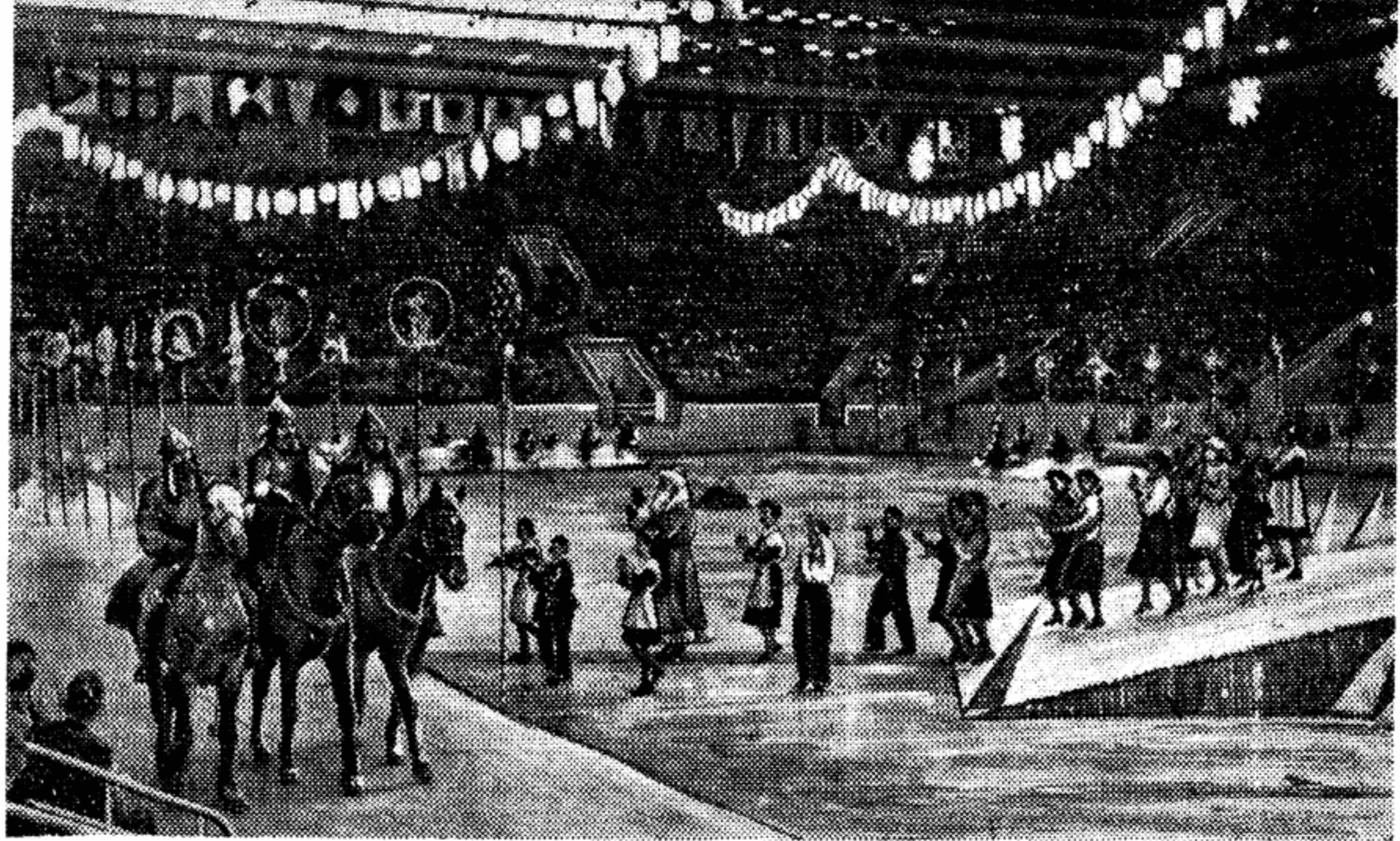


Фото Л. ДОРЕЙСКОГО и А. БАТАНОВА

Нет ничего дороже...

Минувший 1956 год войдет в историю, как год XX съезда Коммунистической партии Советского Союза.

Многие события огромной исторической важности могли так глубоко всколыхнуть писательские сердца, вызвать столько раздумий о судьбах народа, о его будущем, вызвать столько горячих дискуссий о дальнейших путях развития нашей многонациональной советской литературы.

Только событие огромной исторической важности могло так глубоко всколыхнуть писательские сердца, вызвать столько раздумий о судьбах народа, о его будущем, вызвать столько горячих дискуссий о дальнейших путях развития нашей многонациональной советской литературы.

Забота о том, чтобы наша литература стала еще ближе народу, чтобы широчайшие народные массы находили в ней еще полнее переланную правду своей жизни, Любев в родном языку, в своей национальной культуре, чувство национального достоинства не отделимы от чувства советского патриотизма.

И как радостно было видеть, что люди самых разных темпераментов, самых разных творческих индивидуальностей, разных «звуч», совсем не похожих между собой художественных почерков и творческих стилей неуловимо сходились в одном: в признании жизненности социалистического реализма, в единодушном горячем признании того, что ленинская партийность литературы, служение литературы народу — наша путеводная звезда!

Только явные недоброжелатели или люди заблуждающиеся, обитые с толку буржуазной пропагандой, могут изображать дело так, будто социалистический реализм является чем-то мертворожденным, будто он искусственно навязан нашей литературе.

В эти же дни ленинградцы надеются присутствовать на открытии памятника Пушкину на площади перед Русским музеем, услышат звон курантов Петропавловской крепости и традиционные сигналы пушки, отменяющие полдень по точному астрономическому сигналу с Пулковских высот.

ни, какой бы период революционной борьбы народа ни избрал писатель предметом своего изучения и художественного осмысления, в любом случае ему на помощь прихотят бессмертные труды Ленина и проникнутые ленинским духом решения XX съезда КПСС, помогающие писателю видеть события и людей в подлинном свете, во всей исторической правде, без предвзятости, без наслоений, без извращений, так часто допускавшихся в прошлом под влиянием культа личности.

Наряду с беспрерывно прибывающей в нашу литературу ослепленной молодежью сегодня в наш строй входят, как живые, писатели, имена которых были неправильно вычеркнуты из нашей литературы. Сегодня, говоря о прошлом украинской советской литературы, мы называем наряду с Тичиной, Рыльским, Бажаном, Сосурой — Чукача и Блазитного, наряду с Корнейчуком, Кочерой, Панчем, Смолячем, Ле. Головки, Яновским называем Ивана Микитенко, Миколу Кудаша, Мирослава Ириана, Григория Яника и других писателей, чество потрудившихся на украинской советской литературе в 20-е и 30-е годы.

Нынешний год, сороковой год революции, мы надеемся, будет урожайным для нашей литературы, он будет также для нас годом еще более тесного творческого единения с писателями всех братских республик. Такое единение живет в наших национальных традициях. Свято дорожить этой дружбой нам завещали Шевченко и Франко, Леса Украины и Коцюбинский. Мы ни на минуту не представляем себе успешного развития нашей украинской литературы изолированно, без самых прочных и многочисленных взаимосвязей с могучей русской литературой, с литераторами других братских народов.

Все лучшее, все, чем может гордиться украинская советская литература, достигнуто ею именно на этом пути, на светлом ленинском пути дружбы народов. Сложные встающие перед нами творческие задачи требуют дальнейшего укрепления и расширения традиционных взаимосвязей нашей литературы, еще более активного обмена творческим опытом. Стремясь к этому, украинские писатели с большим сочувствием отнеслись, например, к предложению узбекских писателей о региональных совещаниях литераторов братских республик.

Писатели Украины придадут важное значение также укреплению международных связей с прогрессивными зарубежными писателями и надеются, что в будущем году на Украине появится новый журнал типа «Иностранной литературы», который будет журнал дружбы и взаимопонимания, еще одним круглым столом писателей мира.

В минувшем году мы слышали немало нападок на социалистический реализм. Мы видели также, как легкомысленные или отъявленно злобные эти нападки порой совпадали с воплями тех, кто считал наши книги на площадях Бушаеста. Однако мы твердо знаем: нет, не венгерский народ, не венгерские трулящиеся глумились над советской книгой, над советской литературой. — это глумились над ней забвевшиеся, потерявшие человеческий облик фашистские отребки. Началь своего народа, разные салашисты в хористы, утиравшие в годы войны от наших гвардейцев, от справедливого возмездия советских войск, это они с пеной у рта бросились было теперь оксвернать памятники лавшим героям и жечь книги, которые согревали этих героев в окопах и открывали на полях.

Фашистские пигмеи, как жадки они в своих потугах сокрушить могучую правду советских книг! Миллионы друзей имеют советская литература во всем мире, и мы уверены, что число этих друзей будет расти и расти.

Наша творческие Замыслы Пробую записывать свои устные рассказы. Работаю над книгой, в которую войдут мои рассказы о литературных поисках, историко-литературные статьи, литературные портреты, воспоминания, размышления о музыке, изобразительном искусстве, художественном чтении. Вот здесь должны найти свое место и записи некоторых устных рассказов. Книга выйдет в издательстве «Советский писатель». Это первая работа в новом году. Будет, конечно, и другие.

И. АНДРОНИКОВ Трудно сказать заранее, что будет делать весь год, тем более, когда в замыслах нет большой вехи. Одно скажу, что приближения сорокалетнего годовщины Великого Октября очень волнует меня. Вспоминается детство, озвученное волною великих событий. Вот о тех великих днях, о годах комсомольской юности, о ЧОНе, о том, как мы начинали учиться, работать, и хочется написать стихи.

Минск Петрус БРОВКА И работаю над романом о колхозной жизни. В романе «Кровью сердца» мною был изображен невольный этап социалистического преобразования латвийской деревни. Новая книга рассказывает о сегодняшнем селе. В центре романа — образы молодежи, приехавшей из города в село. Это разные люди, с разными судьбами, о которых и поведает книга.

Рига Анна БРОДЕЛЕ Трудно делать какие-либо прогнозы на 1957 год. Это объясняется не только тем, что требования к самому себе значительно выросли, а прежде всего тем, что наш советский читатель стал очень требовательным к литературе. Планы, конечно, у меня большие — думаю в этом году закончить пьесу «Дело братьев Аманура», книгу коротких рассказов, большой цикл стихов на международные темы. Но если все это не будет вышло того, что написано мной до сих пор, то читатель их не увидит в печати.

В этом году мне бы хотелось поделиться в печати (скажем, в «Литературной газете») мыслями о текущем моменте в нашей литературе. Я твердо убежден, что зная народности и партийности нашей литературы в 1957 году будет подано еще выше — назло всем злопыхателям, всем халтурщикам, на каком бы меридиане они ни находились.

Кишинев Эмилиян БУКОВ В прошлом году я мало занимался прозой, написал всего два рассказа: «Без земли» и «Дядя Коля». Зато очень много работал для кино. Собственно, весь год ушел на сценарий для студии «Ленфильм». Сейчас идет съемки. Фильм должен быть закончен в мае 1957 года. В этом году напишу две небольшие повести. Одну из них заканчиваю, ее тема — о партийной принципиальности, о честности. Другая повесть будет о любви, о чистоте человеческих отношений.

Ленинград С. ВОРОНИН С некоторым опозданием против своих первоначальных планов заканчиваю роман «На краю ночи». Это о дружбе белорусского и польского народов в тяжелые 1938 — 1939 годы, когда Польша угрожали гитлеровцы. Близка к завершению работа над романом о разгроме Квантонской армии в 1945 г. Кроме того, пишу рассказы о сельских коммунистах, сельской интеллигенции. Они, очевидно, тоже составят книжку.

Ленинград Павел ДАЛЕЦКИЙ В 1956 году после длительного перерыва вновь стал писать песни, в частности к фильмам «Екатерина Ворониная», «В добрый час!», «О Москве и москвичах». В наступившем году думаю написать песни и для кинофильма, и — в связи с предстоящим Всемирным фестивалем — для нашей молодежи. Пишу новую книгу стихов — лирико-публицистический дневник о наших днях. Надеюсь, что в 1957 году мои последние работы выйдут отдельной книгой.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ В минувшем году я закончил трилогия «Открытие книги». Центральный детский театр поставил мою комедию «Дошка». В настоящее время занят подготовкой к печати книги критических статей и воспоминаний, которая выйдет в 1957 году в издательстве «Советский писатель».

В. КАВЕРИН В последние годы работаю в жанре драматургии. Нынче хочу вернуться к рассказам. Кроме того, думаю написать повесть о героях, славно потрудившихся и продолжающих самоотверженно трудиться на освоении Голодной степи.

Ташкент Абдула КАХХАР Вот уже около двух лет живу в нефтяных районах республики, где пишу роман «Небит-Даг». Это мой подарок к сорокалетию Октябрьской революции.

Небит-Даг, Туркменская ССР Берды КЕРБАБАЕВ В 1956 году редактировал курс истории литовской литературы, первый том которого уже дан в печать. В 1957 году буду продолжать работу по редактированию второго тома, а также подготовлю к печати книгу о дружбе литовской литературы с русской, украинской, белорусской, латышской и польской.

Вильнюс Костас КОРСАКАС Думаю закончить поэму «Моя Сибирь» и сборник стихов «Огни родного очага». Буду дорабатывать поэму для юношества «Трудный экзамен». Хотелось бы создать книгу для младших школьников; часть стихов для нее уже написана, в частности цикл о целине «Просторы заветы».

Таллин Ф. КОТТА



# Чаепитие в Голубевке

Иван ЕГОРОВ,  
соответствующий корреспондент  
«Литературной газеты»

**Наша творческие Замыслы**

Новогодняя анкета «Литературной газеты»

Конечно очерковую книжку о Китае, которая выйдет в издательстве «Советский писатель» с большим количеством фотографий, сделанных мною во время поездки летом 1955 года.

Работаю над новым романом.

**Вера КЕТЛИНСКАЯ**

**ЛЕНИНГРАД**

Закончил первую часть романа «Дом и корабль». Он состоит из трех частей, которые хочу опубликовать одновременно. События романа охватывают три наиболее драматических периода жизни осажденного Ленинграда — осень 1941 года, первую блокадную зиму и весну 1942 года.

Блокада Ленинграда может служить материалом для масштабной, многоплановой эпопеи. Моя задача скромнее. Я ограничиваю себя историей одного жилого ленинградского дома и одной подвальной лодки.

«Дом и корабль» имеет преемственную связь с моей повестью «Офицер флот»: в него перешли из повести некоторые персонажи.

Работа над новым романом займет у меня не менее года.

**А. КРОН**

На днях сдам издательству «Советский писатель» новую книгу. В нее войдут стихи, написанные в Италии и в Англии, поэма «Семь дней недели», новые лирические и публицистические заметки.

В последние месяцы подготовил и печатал стихи, написанные мною раньше, но оставшиеся незаконченными или недоработанными, так как их опережали другие замыслы. Это «Поэма поэтов», начатая перед войной, лирический дневник первых лет войны «Эдем» и венки сонетов «Весть о мире», вкратце написанный вскоре после войны, а также стихи последних лет. Мне очень хотелось бы показать все это читателю в новой книге, ибо эти произведения многое объясняют в моем поэтическом пути.

Сейчас работаю над очерком истории советской поэзии, в котором хочу показать на свое историческое место явления развития советской поэзии, иногда односторонне, а подчас и конъюнктурно трактовались в работах по истории советской литературы и в учебных курсах для средней и высшей школы.

Что же касается совсем новых стихов и прозы, то воплощение замыслов не всегда зависит от поэта, назвав их сейчас, я могу обмануть и себя и читателя.

**С. КИРСАНОВ**

Заканчиваю работу над повестью «Под одной крышей», в которой рассказывается о жизни новой эстонской деревни. Главный герой книги — рабочий-тридцатипятилетний, приехавший в отстоящий колхоз.

Думаю написать еще несколько произведений об эстонской деревне, о тех больших переменах, которые в ней происходят.

**ТАЛЛИН**

Собираюсь написать вступительную статью к антологии «Украинская поэзия дооктябрьского времени», которая будет издана Гослитиздатом (Москва) и Держлітвидавом Украины в 1957 году.

Работаю над статьей о творчестве А. Довженко, избранной сценарии и пьесы которого издает Держлітвидав Украины.

Сдал издательству «Редьянский писатель» сборник лирических стихотворений «Розы и виноград». Тема сборника — человек, природа, искусство, труд в социалистическом обществе.

Буду продолжать работу над повестью «Божественная комедия». Данте: первая часть — «Ад», подготовленная в сотрудничестве с П. Карманским, вскоре должна выйти в свет.

**М. РЫЛЬСКИЙ**

**КИЕВ**

Поздно вечером, когда Краков выехал из животноводческой фермы домой, в машину подскочил три десятка дворняж и старик по фамилии Самохин. Тестю на заднем сиденье не смущала девчата, они пели песню, старик подтягивал им тихим баском.

Самохин, старичок городского вида, вывел районной библиотекой. На ферме он делал доклад о советской литературе. Краков доклада не слушал, а доярки говорили, что было очень интересно. И вот они поют, Самохин подпевает, — видно, и сам доволен лекцией.

Когда подъехали к Голубевке, Краков отдал распоряжение шоферу: каждую девушку довести до ее дома. Девчата шумно благодарили.

— Мировой у нас председатель! Ой, спасибо, Петр Иванович!

— А вас куда? — спросил Краков Самохина, когда всех девчат развезли по домам.

— Да я что же... Могу и здесь... Как вам удобнее... Вообще-то я из центра, из райбюлиотеки.

— Значит, поехали туда. Тем более, я давно хотел навестить вас там: кое-какие книги нужны...

Библиотека оказалась громадной, а дежурная в ней девчачья-степиласиния в форменном фартуке. Старик извинился, что так поздно приехал, и отпустил дежурную. Он отыскал нужные Кракову книги и взялся заполнять карточку читателя. Краков заметил, что у Самохина руки не одинаковые: правая мускулистая, крепкая, с загорелой кожей, левая — бледная и тонкая.

«Краков Петр Иванович, — писал Самохин, — председатель колхоза «Ленинский путь»...

— Второй год живете здесь, товарищ Краков, давно бы уж пора стать нашим абонентом, — сказал библиотекар.

— Это верно, — согласился Краков, — да все как-то некогда. Обхожусь своей библиотекой.

— Удивительно, как это вы обходите своей библиотекой, когда она еще не перевезена из города...

Дома Краков рассказал о старом библиотекар.

— Экий вьедливый старикан, ругает, что мы книги не перевезли, ничего не читает, дом не строим...

Ольга Павлова, жена Кракова, и Кузьминична — бабка Тумачика — сидели за вышиванием.

— Это вы про Самохина, Андрея Николаевича, рассказываете? — спросила бабка Тумачика. — Золотой человек Андрей Николаевич, душевный человек. Тоже из городских, двадцатипятилетичник.

Краков изумился:

— Как вы сказали? Двадцатипятилетичник?

— Ну да. Вот вы, нынешние городские, — тридцатипятилетичники, а те, которые к нам давно-давно приехали, те назывались двадцатипятилетичниками.

Старуха ушла задать корма корове. Муж и жена молча смотрели друг на друга. Краков рассмеялся:

— Читаю, Оля, твои мысли.

— Дело нетрудное: у тебя те же мысли о нашем деревенском будущем. Придет время, и ты будешь регистратором в сельском загсе либо штамповальщиком писем на почте...

В понедельник, в выходной день библиотеки, Краков пригласил Самохина на чашку чая.

— Знаю, — сказал Самохин, — зачем вы меня вызвали. Ну, ну, расспрашивайте.

Спокойно, неторопливо Самохин повесил пальто и шапку на гвоздик, прошелся по комнате, присел к столу, положив рядом свои недавние работы.

— Воевали, значит? — спросил Краков.

— Воевал. Да кто же у нас не воевал?

— В первую мировую?

— И в первую, конечно. Тогда мне закатили две пули — в правое плечо и

в правую же ногу. Обошлось без особых последствий. Ну, а рука... Это уже здесь подобрали.

— Расскажите.

— Что же тут рассказывать? Коллективизация — известное дело. «Поднятую цепь» читали?

Самохин с аппетитом пил чай и мирно журил при этом хозяйку, Ольгу Павловну, почему нет варенья.

— Придете ко мне на чаепитие, — говорил он, — моя старуха выставит семь сортов варенья, и вся ягода из своего сада. Вам тоже обязательно надо иметь свой садик, теперь это дело простое. А тогда нам было не до варенья... Приехал на село, я стал председателем крупного колхоза. На моей территории был маленький ТОЗ — товарищество по совместной обработке земли. «Сетелем» назывался. Работал нехудо, трактор имел, молотилку, жатки, сортировку. Председательствовал в ТОЗе очень милый, благообразный середнячок-переводчик Кузьма Кузовлев. Дружил со мной, учил меня коллективным методам труда на основе переводов агротехники. Я впитываю его мудрость, да радуюсь... Только вот однажды поздно вечером приходит ко мне все восемь членов ТОЗа и просит принять в колхоз. Говорят: надо нам батрачить на этого крошечного Кузовлева... Что за оказия? Выясняется, что трактор, молотилка и все машины принадлежат Кузьме Кузовлеву, куплены им за наличные средства, земля с лесопосадами и кулисами принадлежит Кузовлеву, сортовые семена — тоже кузовлевские. Все кузовлевское! А эти восемь семейств беднякие да сиротские, да еще дальние родственники кузовлевские — двадцать три трудоспособных человека — работают на Кузовлева, кто по-дневно, кто сезонно...

Что тут делать? Ленин прямо указывал: необходимо позаботиться и о том, чтобы сельскохозяйственные орудия и машины не были в руках кулаков и богатеев. Начали мы с того, что приняли всех товщев из «Сетеля» в колхоз. К имуществу Кузовлева еще и не прикасались, но он уже хорошо понял что к чему и ближайшей же темной ночью разрыл в меня целую обойму. И все приговаривая: «Ина, ина, получи, что заслужил». Подорвал мне локоть и два ребра. Да, нетрудно дать трактор кулаку, а побороть его отобрать... Оказалось, у Кузовлева две тысячи пудов зерна — берёт до того времени, когда «базар цену скажет».

Самохин замолк, чтобы переключить на себя еще стакан погуще.

Ольга Павлова — попросил он и, подвинув к себе стакан, продолжал: — Да... может, сегодня кто-нибудь и думает, что зря, мол, мы тогда кулака обижали.

Ильич в свое время говаривал насчет таких проповедников, — Самохин понасматривал глазами, есть ли та библиотека, о которой говорил Краков. И увидел на стене полку книг, где в первом ряду стояли тома Собрания сочинений В. И. Ленина, встал нужный том, быстро, привычным взглядом библиотекар нашел необходимые слова, прочитал: «...Нас несколько не смущают вопли людей, которые, сознательно или бессознательно, стоят на стороне буржуазии, или так ею напуганы, так угнетены ее господством, что видя теперь эту классовую, несильную острую борьбу, растерялись, распылились, забыли все свои предосудки и требуют от нас невозможного, чтобы мы, социалисты, без борьбы против эксплуататоров, без подавления их сопротивления достигли полной победы. Победы мы достигли, но не путем уступок к ней пришли. Боролись до крови».

— Я слышал, что вас из партии исключили. За что же, Андрей Николаевич? — спросил Краков.

— За хлеб. Не хотел сдавать фуражные фонды. Лошадь у меня в колхозе

зимой тридцать второго — тридцать третьего года олень худые были, прямо оды. А тут требуют: дай ячмень. Уперся я — пропадут кони. За это и исключили.

— Неправильно исключили!

— Я был убежден, что неправильно. А после всего обдумав эту беду. Тридцать второго года было неурожайный. В иных городах рабочим нерегулярно выдавали ячменный хлеб, возможно, из того самого, из моего ячменя. Хлеба было мало. И взять его было негде. Купить в Канаде? В Америке? А мне в то время койшей было жалко. Не охватывал все картины тогдашней эпохи. Ошибался, поразмяк маленько на выполнении малых задач. За то и исключили... Пошел работать плотником в соседний район, — сам-то я по профессии столяр-модельщик Сормовского завода.

— Почему не возвратились домой, в Сормово? — спросила Ольга Павлова.

— А с каким личиком вернулся бы я туда? И же там был секретарем бюро цеховой партийной организации. С этого поста меня и выдвинули в двадцатипятилетичники. Говорили: «Надемся, Андрей Николаевич». Нет, убраться вперед я не мог и не хотел. Плотничал своих же, у же в то время сколотил строительную бригаду. Когда восстановили в партии, вновь избрали председателем, еще другого колхоза. Дело пошло нехудо. Позже опять были некоторые потрясения...

— Вот так она, деревня, и переживает людей, — вздохнула Ольга Павлова.

— Переживает? — засмеялся Самохин. — Хотя же она переживала?

— Да хотя же двадцатипятилетичники. Где они, те двадцать пять тысяч? Самохин оживился:

— Скажу, где. По крайней мере, скажу о наших потерях, которые были посланы тогда в наш громадный район до его разделения. Стрельником стал секретарем райкома, потом секретарем обкома партии. Павлович, порабат год три-четыре, уехал заканчивать военную академию и закончил ее, — уже генерал артиллерии погиб в эту войну. Бахмутов преподает в одном из московских институтов. Гордиенко — видный инженер, строит Иркутскую ГЭС. Кстати, у него работает мой старший сын Анатолий, тоже инженер.

— Почему же никто из них не остался здесь? — спросила Ольга Павлова.

— Как никто? Я остался здесь. Второй мой сын Юрий тоже здесь, механиком МТС работает... Вообще же говоря, тот наш набор сыграл большую историческую роль. Мы выиграли вместе со всем народом в классовой борьбе. Без этого не было бы на свете Советского государства, не победили бы мы Гитлера, не было бы и стран народной демократии...

Краков попытался, как Самохин пришел к профессии библиотекар.

— А что? К семидесяти годам читать книжки да разводить клубнику — самое милое дело. Кстати, вы, дорогие друзья, Краковы, ответьте мне на один досужный вопрос: кто вы — сельчане или горожане?

— Сельчане, — твердо сказал Краков.

— Тогда надо дом строить. И поднамите вы меня, когда будете отделять домик, — такой я вам резьбы нашпилю, что и свет не выдвядет. Есть у меня особые лезвья, прямо кружевные.

— Какой исторический срок должны мы здесь прожить? — шутило спросила Ольга Павлова.

— Небольшю. Техника сельского хозяйства растет бурно. Чудесная задача для инженера Кракова — способствовать этому росту. И, конечно, Краков ее выполнит в короткие сроки. Будет у вас жизнь вроде городской, только здоровее. И... тогда вас отсюда никакой конфеткой не выманить, это уж поверьте мне, бывшему горожанину-судоостроителю.

# Взгляд с олимпийских высот

НА СПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ

В эти первые дни нового года через всю нашу страну от берегов Тихого океана катат в Москву два специальных состава с участниками недавних олимпийских игр. Встречать их приходят на станции тысячи людей. Путь Владивосток — Москва превратился в триумфальную прямую почету, которую, ступив на родную землю в конце декабря прошлого года, совершают сейчас наши олимпийцы.

Сообщают, что в новогоднюю ночь пассажиры специальных составов произнесли немало тостов за победы советского спорта. Можно утверждать, что подобные тосты звучали в новогоднюю ночь не только в этих поездах. Тем более, что бокалы поднимались, вероятно, не столько за прошлые, сколько за будущие победы нашего спорта, а это, конечно, придает тостам особую многозначительность.

Почти месяц минул с той поры, как в бронзовой чаше на мельбурном стадионе «Крикет Граунд» погас олимпийский огонь. Но, в отличие от него, пламя страсти, зажженного олимпийскими играми, погасить не так-то легко. Сколько и теперь идет обсуждений, споров, сколько высказываются мнения и оценок, какой ажиотаж вызывают различные газетные статьи, интервью, очерки, корреспонденции. Ну, скажем, как-то промелькнуло сообщение о том, что двукратный олимпийский чемпион по прыжкам с шестом Роберт Ричардс собирается приехать в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Что же, если так, добро пожаловать, «летающий священник!» У нас знают и ценят вас не только как выдающегося спортсмена, но и как честного человека, сторонника мира. Мы не забыли ваших слов, сказанных четыре с лишним года назад на XV Олимпийских играх в Хельсинки:

— Честно говоря, я не могу понять, почему народы мира не могут ладить так, как спортсмены ладят здесь.

Советские спортсмены разделяли это ваше недоумение, и вы, вероятно, согласитесь с тем, что в Мельбурне они делали все, от них зависящее, чтобы участники Олимпийских игр по-настоящему ладил между собой. И это, пожалуй, самый приятный итог XVI Олимпийских игр, хотя, разумеется, мы вовсе не намерены преуменьшать чисто спортивное значение нашей мельбурной победы и ценность того клада золотых, серебряных и прочих изделий, который привезли с собой Куц, Нетто, Юзенец, Воробьев, Иванов, Латынина, Чумарин и другие наши олимпийские чемпионы.

Поздравляя их еще раз с большим успехом, с возвращением на Родину, мы, однако, склонны спуститься с олимпийских высот на обыкновенную землю. Конечно, нельзя забывать и о высотах. Напротив. В зарубежной печати были сообщения, что американцы уже сейчас приступают к подготовке своей олимпийской команды на XVII игры из девушек и юношей 16—17 лет (и даже моложе). Надо надеяться, что и у нас кандидаты на поездку в Рим будут готовиться с таким расчетом, чтобы в 1960 году по 30—32, а по 20—22 года.

Но сегодня, в начале нового спортивного года, нам хочется все же с олимпийских высот бросить взгляд на землю, по которой ходят, бегают, прыгают, играют в теннис, волейбол, гольф, играют миллионы рядовых физкультурников. И пусть многие из них не имеют шансов стать обладателями не только значков олимпийского спорта, но даже разрядника. Именно в них сила советского спорта, именно в них физическое воспитание миллионов служит наше спортивное движение. Это истина старая, но ее приходится повторять, потому что «служба», о которой идет речь, пока еще далеко не так безупречна.

Что сказали бы о Дворце культуры, в котором после его открытия лустовала все комнаты для кружковых занятий и функционировал лишь один зрительный зал? Но вот осенью минувшего года мне довелось провести почти целый день на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Лужниках. Было тепло и сухо. Солнце вычерчивало на асфальтовых дорожках длинные тени деревьев. Воздух, профильтрованный ветром с Ленинских гор, был чист и свеж. Но не хватало... людей. Тихо и пустынно было на стадионе. Обозначенные ванны бассейна печально глядели в небо плиточным дном, на крепкие замки были заперты великолепные баскетбольные площадки.

Только к вечеру стал оживать стадион. Но оживление это внесли не спортсмены. Добрых шестьдесят тысяч человек собрались в эти часы в Лужниках, и лишь двадцать два из них пришли сюда, чтобы непосредственно как говорится, заняться спортом. То были участники очередного футбольного матча на первенство страны. А ведь в те же дни во многих местах столицы можно было прочесть объявления о том, что дирекция стадиона заключает с организацией договоры на сдачу в аренду своих сооружений.

Этот короткий экскурс в прошлое сделан единственно с той целью, чтобы напомнить на будущее: Центральный стадион (как и другие стадионы) по-

**Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ**

## Благородный поступок

(Фельетон-пародия)

В ночь под Новый год писателем сняты сны. Фантастические сны. Нам тоже приснился новогодний сон, но, к сожалению, отнюдь не фантастический.

Нам приснился сон, правдивость которого мы можем подтвердить целым рядом заметок, опубликованных в течение минувшего года в различных изданиях периодической печати.

Наш сон носит очень знакомое читателям этих изданий название:

### Благородный поступок

В универсаме шла (Новогодняя была) оживленная предпраздничная торговля. Гражданка К., купившая набор елочных игрушек за 78 руб. 60 коп., нечаянно выронила из рук пакет. Игрушки попались по полу. Несмотря на то, что все это происходило в отделе продажи товаров без помощи продавца, случайно оказавшись на месте происшедшего продавец Николай Гаврилович Захаров, пожелавший остаться неизвестным, не только помог гражданке К. собрать все игрушки, но и сам, лично, заново упаковать праздничный набор, вручил его рад-

роганной покупательнице и сказал: — Желаю вам и вашим детям приятного и счастливого Нового года! Продавец Захарову приказом заведующего отделом игрушек объявлена благодарность. Заведующий отделом игрушек дирекции универмага ежемесячно поместил бы большую похвалу известного поэта, всегда отличавшегося умением быстро откликаться на любую заданную редакцией тему.

Ниже мы помещаем четыре главы из этой, еще не написанной автором поэмы.

**ПЛАВА ВТОРАЯ**

### «Как это было!»

Игрушек требует народ!

Стоит, любящая хрупкими. Глажу — навстречу мне идет

Гражданочка с покупками. Спит. В руках — пакет. И вдруг

Покупка, выскользнув из рук, Со звоном на пол падает.

И многих это радует. Но продавец с душой простой.

В которой много нежности. Спит пакет

Вернуть по принадлежности. Вся с головы до ног, она Почти до слез растрогана.

Затмил сплошной туман очки Растроганной гражданочки.

**ПЛАВА ТРЕТЬЯ**

### «Чем дальше в лес, тем больше дров»

Что это? Бред? Эхрани кино? Фантазия поэта? Сознание гражданкино

Вместить не в силах этого! Она глядит на продавца, Не сводит глаз с его лица, А продавец вдолгонку шлет, Смущенный

взглядом этим: — Приятно встретить Новый год И вам, и вашим детям!

**ПЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ**

### «Итак, итог»

Привел помы я Хвала такому продавцу!

Журнал «Пионер», конечно, откликнулся бы по-своему:

### О ЧЕМ РАССКАЗАЛА ЕЛКА

(Повесть-быль)

Серезка с восхищением смотрел на празднично украшенную елку. Что то напоминало его чем-то. Зеленоглазая сова уютно устроившись на самой верхней ветке, рядом с почтовым ящиком и корзинкой с грибами, смотрела на Серезку с не меньшим восхищением, чем он, Серезка, смотрел на сову.

— Серезка! Давай играть в пятишашки! — Серезка оглянулся и увидел своего друга — Васю Корнева. Голову Васи украшал рыцарский шлем, в руке он держал копьё, на ногах его были высокие сапоги с остроколючими шпорами.

Серезка укоризненно посмотрел на товарища.

— Вася, — сказал Серезка, — погляди на Елку. Вася поглядел.

— Поминишь? Вася немного подумал и сказал: — Да, Серезка, запомню.

Друзья задумались. Перед их мысленным взором встала картина совсем недавнего прошлого: в универсаме шла оживленная предпраздничная торговля. Васина мама, купившая набор елочных игрушек, нечаянно выронила из рук пакет. Игрушки попались по полу.

Казалось, все кончено... Еще множество и хрупкие изделия из стекла-фарфора будут растоптаны ногами покупателя.

Но разве может человек остаться в беде, когда рядом люди? Десятилетний мальчишка поступил Колька Захаров в услужение к купцу третьей гильдии Аристарху Евлампиевичу Кошкодонову. Был Кошкодонов правым кругом, в сердцах злобен и, такская за вихри мальчишку, поучал его: — Покупатель — что лисица. Только ты того... а он уже тут!

Все это вспоминал старший продавец отдела продажи товаров без помощи продавцов Николай Гаврилович Захаров, глядя на то, как растерявшаяся женщина тщетно пытается собрать рассыпанные игрушки.

Решенье пришло сразу. Стиснув зубы и слегка поблудив от волнения, Николай Гаврилович вышел из за прилавка и бросился в толпу... Елочный набор был спасен.

Бум-бум, трам-трам, бом-бом! — загрел оркестр. Все закружились в танце. Веселый речный смех заставил задребезжать елочные украшения.

Серезка и Вася вышли на середину зала.

— Ребята, — сказал Серезка, — а задумались ли вы над тем, кто делал эти игрушки? Кто распределял заказы на изготовление елочных украшений по предприятиям местной промышленности? Кто добивался получения остроколючих материалов? Кто составлял смету, выделял фонды, утверждал себестоимость и наконец...

Ребята с захватывающим интересом слушали Серезку. Вася, затаяв дыхание, смотрел на своего друга.

— И, наконец, — чуть повиснув от волнения голос, сказал Серезка, — кто составлял калкуляцию на все эти изделия?

Ребята молчали. Им было стыдно. Вася почувствовал, как что-то наполнило его чем-то. Зеленоглазая сова смотрела на ребят. Ребята не смотрели на сову. Молчал и оркестр.

Таня, которая сейчас стояла рядом с Серезкой, смотрела на него, затаяв дыхание. Только сейчас она почувствовала, что любит. Любит... любит его такого, какой он есть...

(Продолжение смотрите в прошлых номерах журнала)

Внешний вид журнала «Техника» — молодежники красноречиво говорят о том, какую именно технику лучше всего пропагандирует редакция. Технику, которая находится на грани фантастики. А фантастика проявляется в журнале главным образом в быстрой типографских шрифтах, в неумении набора, в фантастическом хаосе верстки, в ошеломляющей юного читателя неразберихе заголовков, подзаголовков и шапок.

Естественно, что в этом журнале, как нам подсказывает наша фантазия, случай, описанный нами, выглядел бы так:

**ЧУДО В МИРЕ ТОРГОВЛИ**

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ПОСТУПОК**

78 и 60

**Год заканчивается**

**НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗАХАРОВ И ПРАЗДНИЧНЫЙ ПАКЕТ**

Вез помощь! Помогите! Помощь приходит

ПАКЕТ ЗАПАКОВЫВАЕТСЯ ЗАНОВО

**РАСТРОГАННАЯ ПОКУПАТЕЛЬНИЦА ИЗ УНИВЕРМАГА В САНАТОРИИ**

Гражданка К. уронила на пол купленные игрушки

ГДЕ? В универсаме

Продавец Захаров помог гражданке К. собрать игрушки

Журнал «Крокодил», несомненно, поместил бы на своих страницах карикатуру, снабдив ее остроумным и, как всегда, смешным диалогом.

**НОВОЕ В ТОРГОВЛЕ**

Гражданка К., купив набор елочных игрушек, нечаянно рассыпала купленные игрушки. Продавец Захаров собрал игрушки, заново упаковал их, вручил покупательнице и похвалил гражданку К. с Новым годом.

ПРОДАВЕЦ — Желаю вам и вашим детям приятно встретить наступающий Новый год!

ПОКУПАТЕЛЬНИЦА: — Спасибо!







# СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ, СВЕТОЕ БУДУЩЕЕ

Домик дяди Цветана — маленький, рядный, построенный года назад с окнами, обратившими свой взгляд к Балканам, засыпан снегом до самой трубы. Дядя Цветан — подметальщик улиц в курортном местечке, где я живу этой зимой. Сегодня у него в доме парит оживление. Вот он, покраснев от быстрого ходьбы, напрямик через снежную поляну возвращается из соседнего селения. В правой руке у него нож, как у мясника.

— Толстяк своего решил прикончить? — спрашивает его сосед. — Толстяк — это 100—120-килограммовый поросенок, которого Цветан откармил этим летом. Поросенка по старому христианскому обычаю следовало бы заколоть к рождеству. Но дядя Цветан — не такой уж христианин. Он решил это сделать на Новый год.

Бабушка Мария, мать подметальщика, греет воду в большом котле, а Васко, переклопачник, нетерпеливо бегает между домом и свинарником. Все интересно Васко.

Я смотрю в окошко на соседний домик, и воспоминания теснятся в голове — ясные и живые, как сама действительность.

Когда-то я был вроде Васко, и мы, случалось, кололи поросят. Наше село далеко отсюда — в Дунайской низменности, там, где земля дает нараваны хлеба, горы красного перца, вагоны помидоров, табак, вкусный виноград, а в последние годы и рис. Там я встречал Новый год в течение многих лет. Но как-то это было встречей! Нам никак не удавалось оторвать такого большого боров, какой вырос у дяди Цветана. И хлеба не хватало. После каждого праздника отец шел заниматься в долг.

Рождественский поросенок был обыкновенно маленьким, недоросшим, с очень тонким слоем жира. Нам — четверным ребятам и отцу с матерью — еле хватало его до конца марта. А как только начиналась весна, мы принимались за зеленую, за похлебку из крапивы.

По старому обычаю, наши крестьяне праздновали Новый год в Васильев день — 14 января. Они не признавали нового стиля. Отец наш знал, что и этот год, как и старый, принесет ему только бедность.

А однажды под Новый год брат мой споткнулся о деревянный порог и сломал себе руку.

Деревенская знахарка, которая была у нас и за доктора, и за акушерку, пришла тотчас же. Она пошутила у брата руку и оставила в сторону свой мешочек с травами.

— Сломана кость, — сказала она озбоченно. — Везите его в город, к доктору. Я сломанное не лечу.

Город. Доктор. А деньги? Тогда отец продал, несмотря на наши слезы, рождественского поросенка, посадил брата в телегу и отвез его в город. Вернулся он без шубы. Мальчика принесли в одну из частных больниц, но денег не хватало. Пришлось отцу заложить шубу у хозяина постоянного двора.

С тех пор прошло много лет. Отшумела война. Остались позади тяжелые дни. На полях Придунайской равнины запылали тракторы. Вспаханы заросшие травой межи. Люди протянули друг другу руки. Во всех селах Придунайской равнины имеются теперь кооперативные хозяйства. Стал членом кооператива и наш отец. В доме загорелся электрический свет. Братья мои разрушили старую хибарку и поставили новый дом — двухэтажный, для двух семей, с отдельной комнатой для стариков и с общей большой горницей для гостей.

Случилось мне в прошлом году побывать в нашем селе.

Митко, сын старшего брата, школьник-второклассник, спрятавшись в укромное место, клал себе бороду из длинной белой шерсти.

Я буду карликом, пажем царя, — важно пояснил он. — Мне нужна маска с бородой.

— Это ты о какой царнице? — Я постарался как можно серьезнее нахмурить брови. — Ведь в Болгарии нет царя. Да и сам ты сын кооператора.

— Да нет же, — не на шутку рассердился он. — Если уж ты не понимаешь, так и молчи! Это же сказка... А в сказках есть и змеи, если хочешь внять...

Васко ЧЕНКОВ, болгарский журналист

А так кто же не знает, что на нашей земле нет ни змеи, ни царей...

Старший сын брата, учащийся электротехникума, тоже был дома. Он репетировал стихи.

Моя мать стала показывать мне аккордеон Стефки, дочери моего другого брата, библиотеку электротехника и сделанный им собственноручно радиоприемник с наушниками, игрушку самого маленького Митко и его инструменты для резьбы, елку с блестящими украшениями, Деда Мороза.

И, наконец, с самым большим уважением она показала мне аптеку старшего брата. Он когда-то был мясником. Потом учился на курсах по ветеринарной медицине. Сейчас он — веттехник в кооперативе.

— Разные болезни умеет лечить, — с почтением к науке говорит мама. — Дядя

ди твоего корову почти из могилы спас... И в кооперативе ему награду дали...

А вечером в зале читальни крестьяне встретили Новый год. Всюду гирляндами, на стенах — горшки с живыми цветами. Музыканты одеты в праздничные рубашки с национальной вышивкой по воротнику. Столы ломились от угощений. Дети бегают по террасе — для них там сделали елку, устроили лотерею. Выступает хор, читают стихи, а потом начинается такое веселье, что кажется: еще один человек включился в хор, и стены зала рухнут. Народу, как на большой свадьбе. И действительно, это можно назвать великой свадьбой: наш крестьянин навеки обвенчался с новой жизнью, со светлым будущим.

Отец, слегка подтолкнув меня, так, чтобы не заметили другие, спрашивает: — А помнишь, как я заложил шубу, а? Вяля у меня ее хозяин постоянного двора, да господь не дал ему счастья... Забрал у него имущество.

Он поднял рюмку, лукаво улыбаясь: — Пей же, пей!.. Ведь сегодня Новый год! София

# ПОРТ-САИД СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Ахмед Касем ГУДА, главный редактор египетской газеты «Аль-Гумурья»

Сейчас, когда я пишу эту статью для «Литературной газеты», со всех сторон поступают сообщения о том, что произошло, происходит и должно произойти в Порт-Саиде. Прошлое, настоящее и будущее этого города-героя — вот тема, которая сейчас больше всего волнует Египет и другие страны. Только что я получил из Порт-Саида подробное сообщение: там уничтожен еще один из символов империализма — памятник неизвестному солдату, воздвигнутый англичанами. На глазах у тысяч ликующих египтян, а также иностранных корреспондентов и солдат войск ООН бойцы отрядов народного сопротивления сбросили с пьедестала огромную статую. Чего они только не пустились в ход, — пожалуй, все, что попадалось под руку, кроме динамита.

Накануне в Порт-Саиде взорвали статую прислужника колонизаторов — прославленного Фердинанда Лессепса. Между прочим, укоренилось неправильное представление, будто Лессепс был инженером. На самом деле он был просто аферистом, который с помощью самых гнусных уловок обманул слабовольного и нерешительного хедива (правителя Египта). Статуя этого проходимца, получившего от хедива концессию на строительство и эксплуатацию Суэцкого канала, 58 лет простояла в Порт-Саиде у входа в гавань. Три взрыва (примеч в последний раз было заложено 35 килограммов динамита) — и бронзовая статуя афериста как не бывало. На этом месте египтяне воздвигнут статую Свободы.

Уничтожением двух этих памятников закончились трехдневные празднества. Они начались в тот момент, когда после 47-дневного затопления по всей стране снова вспыхнули огни. В самом начале праздника египтяне торжественно сожгли флаги интервентов: они прикрепили их к простертой руке статуи Лессепса (той самой, которая впоследствии была взорвана), облили керосином и подожгли под громкие, одобряемые крики многотысячной толпы.

«Да здравствует Абдель Насер!» — кричали демонстранты. Отовсюду доносились радостные возгласы женщин, веселая, победная палба — это стреляли в воздух жители Порт-Саида и бойцы добровольных отрядов народного сопротивления, собравшиеся, чтобы отпраздновать уход войск агрессоров и передачу города египетским властям.

Но все понимали: в душе египтян эта радость освобождения

соседствует с глубокой скорбью по родным и близким, по всем тем, кто пал жертвой вооруженных сил империализма, вероломно нагвавших на мирный, свободный египетский народ. Самые тяжкие страдания выпали на долю жителей Порт-Саида. Об их героизме, об их тяжелых муках слагаются стихи и песни, писатели посвящают им свои книги, художники — свои картины, композиторы — прекрасную музыку. Все народ Египта стремится выразить свое восхищение Порт-Саиду, который ценой таких жертв и потерь сдерживал натиск захватчиков. Что же удивительного в том, что весь Египет поет сейчас песню, в которой говорится: «Путилки! Придя в Порт-Саид, благоговейно пошейте руку каждому, кто сражался с нашим врагом». В этих простых, бесхитривых, словах выражено чувство глубочайшей благодарности египтян к отважным защитникам города.

С каждым днем мы узнаем все новые и новые подробности о подвигах и мужестве защитников Порт-Саида. И все же рассказы эти не дают нам возможности полностью оценить величие и героизм, проявленные населением города.

Вплоть естественно, что первым же декретом, выпущенным немедленно после окончательного отвода вооруженных сил врага, президент Абдель Насер учредил специальное министерство по делам Порт-Саида. Главной его задачей министр по делам муниципалитетов и сельских местностей и государственный министр по вопросам планирования Абдель Латиф аль-Богдари.

Имя Богдари широко известно — это под его руководством была выстроена замечательная дорога вдоль Нила, а также многие другие сооружения, которые так украсили Каир, Александрию и небольшие города страны и так облегчили жизнь их обитателей. Богдари уже переехал в Порт-Саид со всеми своими помощниками. Комиссия, которая разрабатывает план реконструкции города, приняла все меры, чтобы студенты могли познакомиться с идеалистической философией. Но в Каире, говорит он, знают не одних немецких философов, знают и немецких писателей. По Мо-Жо перевел на китайский язык Гёте, да и другие писатели переведены.

Возникает пауза. Мао Цзэ-дун ставит мне чашку чая на подоконнике кресла. Потом он спрашивает о политической обстановке в Западной Германии, спрашивается о дате следующих выборов в бундестаг. Я отвечаю, что они состоятся осенью 1957 года. Он спрашивает о социал-демократической партии и говорит, что ее нужно поддерживать, что ее победа была бы правильной. Он говорит, что в Западной Германии, как и в Китае, много интересного. В Китае можно все подробно изучить. Я отвечаю, что изучил цифрой второй пятилетки и считаю их изумительными. Он смеется и говорит, что это еще далеко не все. Мы собираемся производить в 1962 году десять миллионов тонн стали. Он добавляет, что Западная Германия производит ежегодно двадцать миллионов тонн стали. А в Швеции, так там на каждого человека ежегодно производится по 2 000 тонн стали. Он тут же делает вычисления и после короткого раздумья говорит, что если эти цифры применить к Китаю, то здесь соответственно численности населения нужно было бы ежегодно производить один миллиард



Жители Порт-Саида приветствуют египетских и иностранных журналистов, посетивших город 19 декабря, впервые после начала англо-франко-израильской агрессии.

# Беседа немецкого писателя с Мао Цзэ-дуном

Западногерманский писатель Гюнтер Вайзенборн, находясь в Китае, был недавно принят председателем Китайской Народной Республики тов. Мао Цзэ-дуном. Ниже печатается перевод помещенной в немецком еженедельнике «Зонитат» беседы Вайзенборна с Мао Цзэ-дуном.

Мао Цзэ-дун спрашивает меня о моей поездке. Я говорю о его стихах, рассказываю, что его произведения известны в Германии. Он уклоняется от разговора на эту тему, литературой он больше не занимается, и смеется, добавляет, что у него написано много лет. Я говорю, что намерен написать книгу о своей поездке. Он становится очень серьезным и отвечает, что я не должен писать в этой книге только о хорошем, написать следует и о недостатках. Важно отметить и отрицательное: всюду на земле, где люди трудятся, делаются и ошибки. Китай долго был под гнетом, поэтому в настоящее время его экономика и культура еще недостаточно укрепилась, мы находимся в переходном периоде. Каждая общественная формация встречает препятствия, которые необходимо преодолеть.

Я говорю, что на меня произвел сильное впечатление тот факт, что на китайских почтовых марках можно увидеть портреты двух немцев: Маркса и Энгельса. Он смеется и отвечает: да, Маркса мы взяли сюда, здесь в нем повседневно ощущается необходимость, и мы пока что не собираемся вам его возвращать. Настанет, несомненно, день, когда оба великих немца удостоятся быть в чести и у нас, в Западной Германии.

Мао Цзэ-дун говорит, что он изучал философию-материализм: Фейербаха, Гегеля, но, кроме того, и Банта, Гегеля, Лейбница; необходимо подробно изучать и идеалистическую философию, иначе останешься невеждой и лишишься возможности правильно понимать материализм. Он считает, что надо создать кафедры, где будут изучаться и Бант и Гегель с тем, чтобы студенты могли познакомиться с идеалистической философией. Но в Китае, говорит он, знают не одних немецких философов, знают и немецких писателей. По Мо-Жо перевел на китайский язык Гёте, да и другие писатели переведены.

Возникает пауза. Мао Цзэ-дун ставит мне чашку чая на подоконнике кресла. Потом он спрашивает о политической обстановке в Западной Германии, спрашивается о дате следующих выборов в бундестаг. Я отвечаю, что они состоятся осенью 1957 года. Он спрашивает о социал-демократической партии и говорит, что ее нужно поддерживать, что ее победа была бы правильной. Он говорит, что в Западной Германии, как и в Китае, много интересного. В Китае можно все подробно изучить. Я отвечаю, что изучил цифрой второй пятилетки и считаю их изумительными. Он смеется и говорит, что это еще далеко не все. Мы собираемся производить в 1962 году десять миллионов тонн стали. Он добавляет, что Западная Германия производит ежегодно двадцать миллионов тонн стали. А в Швеции, так там на каждого человека ежегодно производится по 2 000 тонн стали. Он тут же делает вычисления и после короткого раздумья говорит, что если эти цифры применить к Китаю, то здесь соответственно численности населения нужно было бы ежегодно производить один миллиард

десяти миллионов тонн стали. Я отвечаю, что Китай будет уже в третьей пятилетке производить столько же стали, сколько производит Западная Германия. Он смеется, замечает, что производство стали в Западной Германии также, по видимому, возрастет. Нельзя знать, как будет выглядеть производство стали в дальнейшем.

Мао Цзэ-дун спрашивает, что произвело на меня в Китае такое сильное впечатление. Я отвечаю, что на меня произвели большое впечатление радостные лица людей на улицах городов. Его лицо выражает удивление, он спрашивает: разве? А как в Европе? Я отвечаю, что настроение в Европе не слишком веселое. Сердечным тоном он спрашивает, отчего это различие. Китайский народ, тут же отвечает он сам за свой вопрос, взял свою судьбу в свои собственные руки, он чувствует, как со дня на день жизнь улучшается, поэтому он полон надежд.

Снова пауза, затем он спрашивает: что вы написали, вы романист или поэт? Я отвечаю, что я драматург и романист, что я был очень обрадован, когда обнаружил названия своих книг в каталоге библиотеки Лейпцигского университета, и мне было особенно приятно узнать, что здесь неизвестна моя книга «Мемориал». Он интересуется содержанием этой книги, спрашивает, переведена ли она на китайский язык. Я отвечаю, что нет. Он говорит, что ее следует перевести, и обращается к секретарю Общества культурной связи с западниками: напомните мне об этом. Я предлагаю прежде всего перевести Бертольда Брехта, который очень любил китайскую культуру и написал пьесу «Добрый человек из Сычуани», действие которой происходит в Китае.

Я спрашиваю, возможны ли поездки в Китай и других западногерманских писателей. На это он очень живо дает положительный ответ: конечно, но только из западногерманских писателей хочет, тот может приехать и жить здесь так долго, как ему угодно, — месяц, два, три. Мы их можем пригласить. Кто же хочет, чтобы его пригласили, пусть сам оплатит поездку. Во всяком случае, в Китае никто не будет голодным. Все писатели могут приехать: писатели левые, писатели правые, писатели центра, даже люди, которые против Китая. Пусть смотрят своими глазами. Я пытаюсь возражать: эти пусть лучше не приезжают, я считаю это неправильным. Мао Цзэ-дун хмурится: нет, это правильно, пусть приедут, в каждом народе есть левые, есть люди центра, есть правые.

Разговор переходит к Советскому Союзу. Мао Цзэ-дун говорит: у Советского Союза после революции было много успехов, это первая в мире социалистическая страна. Там огромный опыт. Мы у них будем учиться. У них были и ошибки. Мы будем учиться и на ошибках, чтобы не плутовать, чтобы дойти до цели кратчайшим путем. С капиталистами и интеллигенцией мы поступаем так: мы пытаемся привлечь их на свою сторону с тем, чтобы они не переходили на сторону врага.

Я добавляю еще, что поездка депутатов бундестага Шванна горячо обсуждается в Западной Германии. Он снова говорит: в Китае каждый может изучать все. Для европейцев Китай весьма интересен. Беседа шла в очень свободном, сердечном тоне, что произвело на меня большое впечатление.

# ЧТО ГОД ГРЯДУЩИЙ БИЗНЕСУ ГОТОВИТ

Предновогодние и новогодние дни — пора сентиментальных рождественских рассказов, умиленных историй и предсказаний на будущее. Все это в избытке можно найти в периодических изданиях, выходящих в Соединенных Штатах Америки. «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» — журнал деловой. Духовно-патристических рассказов и нравоучительных басен не печатает. Зато предсказаний на его страницах — сколько угодно. Предсказания, которые должны поддержать превосходное настроение у основной клиентуры журнала — бизнесменов.

Вот, например, статья, опубликованная в одном из последних номеров «Юнайтед Стейтс ньюс» за 1956 год. «43 миллиарда долларов на вооружение США», — сообщает заголовок. Речь идет о предполагаемых ассигновках на гонку вооружений в новом финансовом году, который начинается 1 июля 1957 года.

Ну как не забиться трепетно сердцу американского промышленника при виде следующих строк: «Ассигнования на оборону (читай: на гонку вооружений) Соединенных Штатов снова возрастут в будущем году. Планируемое ныне увеличение достигает суммы в 2 миллиарда долларов...»

Журнал поспешает, не что пойдут эти миллиарды: «Ожидается, что расходы Соединенных Штатов на вооружение к концу года достигнут 42,8 миллиарда долларов, а то время как теперь они равны 40,8 миллиарда». Нужно сказать, что сведения, которыми оперирует журнал, еще сравнительно ясны и осмыслены: в других американских изданиях появились предсказания о возможном увеличении военного бюджета на 3 и даже на 6 миллиардов долларов! Что ж, американские бизнесмены могли со спокойной душой отплевывать «эм-бу» в новогодний

вечер. Им обещают приятное будущее. За пять лет — с 1950 по 1955 год — промышленные компании США получили военных заказов больше чем на 123 миллиарда долларов. Теперь в новогодних грезах они снова видят блеск золотого дождя, готового пролиться на них...

А простые американцы, миллионы и миллионы американских труженников — что ждет их в новом году? Ведь доллары, оседающие в сейфах монополий в виде платы за военные заказы, — это деньги, которые в год выплачивают американский народ.

Посмотрим, что обещает им журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Он пишет, что «радушные надежды на уменьшение налогов в будущем году померкли». «Стоимость жизни будет продолжать ползти вверх. Топливо будет стоить дороже... Бензин почти наверняка поднимется несколько в цене... Различные рода промышленные товары продолжат подниматься в цене...»

Вряд ли эти прогнозы создали в новогодние дни праздничное настроение в семьях простых людей.

О. ВАСИЛЬЕВ

# О дурных вкусах и чувстве ответственности

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

ле, другое в финале. Между ними — серый, бесталанный текст. Перевод — на уровне пьесы: он заставляет сомневаться, знаешь ли ты переводчика если не в английском, то во всяком случае с русским языком. Чего стоят, например, такие фразы: «Инспектор, нашли вы что-либо противоречащее возможности проникновения в комнату извне?», «Я посажу вас в машину через заднюю выход». Один из персонажей поранил палец, когда резал ветчину, а переводчица утверждает, что он его поранил «во время приготовления ветчины».

Я вовсе не собираюсь выступать против детектива как такового: самый жанр детектива достаточно емкий, чтобы вместить содержание, представляющее общественный интерес. Дело именно в содержании детективного произведения. В данном случае можно утверждать, что по своему содержанию «Свидетель обвинения», как и «Телефонный звонок» нам глубоко чужды, идеологически враждебны.

Недалеко от «Телефонного звонка» и «Свидетель обвинения» ушла и комедия французского драматурга Марка Жюльбера Соважона «Ночной переполох» (перевод В. Метальникова и Н. Рыжовой), поставленная Н. Акимовым в Ленинграде, в театре имени Ленсовета, и В. Кониговом в Москве, в филиале академического Малого театра. Правда, в комедии Соважона намечены некоторые характеры; автор пытался индивидуализировать язык персонажей; наконец, в комедии есть слабый намек на социальную тему (в ней рассказано о безнравственном капиталисте). И все же «Ночной переполох» не выходит за рамки бульварщины.

Начинается «Ночной переполох» с попытки изнасилования и убийства. Родича убитого при попытке изнасиловать собственную секретаршу 83-летнего капиталиста Спирнея Вареско пытаются скрыть обстоятельства его смерти, чтобы спасти доброе имя основоположника знаменитой фирмы. Секретарша — дочь рабочего мест-

ной фабрики — включается в этот разговор. Особенно старается дочь убитого, Мария. Вот как она рекомендует своего покойного отца: «Вот! Когда я родилась, вся эта местность была пустынной, бесплодной землей, с которой все бежало. Благодаря ему тут возник целый мир! Из-под земли появились мастерские, фабрики, целый народ, целый город...» Столь возвышенная личность старого капиталиста в пьесе никак не развенчивается. Пусть старик был похотлив, груб и жесток с членами своей семьи, — все же он ухитрился выбиться в люди, умел пожить и уж, конечно, был неждоной личностью. Раскрыть неприглядные обстоятельства убийства Спирнея Вареско пытается сыщик Лепран, начальник уголовного розыска. У его слов слыты со стариком: тот отказал ему в руке Марии. В конце концов Лепран идет на сделку: он обязуется скрыть обстоятельства убийства с тем, чтобы Франк, внук старого Спирнея, которого тот назначил по завещанию своим преемником, отказался от поста главы фирмы. Остается невыясненным, к чему приведет сия сделка: займет ли место убитого старика один из его слабохарактерных сыновей, а может, — чем черт не шутит, — сам бдительный сыщик Лепран, женившись на Марии, которая в финале пьесы явно к этому склоняется?

Какова идея пьесы «Ночной переполох»? Разлагающаяся власть денег, калечащая людей? Нет. Капиталист Спирней Вареско, по существу, возведен на некий пьедестал. Может быть, идея пьесы — возложение семки в капиталистическом обществе? Нет, семья здесь предстает как спаянный в своих стугубо буржуазных интересах коллектив. Может быть, пьеса посвящена идее возмездия за нарушение основ морали? Но и этого в пьесе не найдешь. А если не мудрствовать лукаво и читать то, что написано Соважоном, содержание пьесы «Ночной переполох» раскрывается очень просто: старик Вареско, столь замечательно проявившему себя в деле капиталистического накопления, не следовало

быть самогубом в семье и не следовало развратничать; это, говорит нам автор, не украшает миллионера. Возможно, что такая мысль и полезна для воспитания молодых капиталистов, но с какой точки зрения она должна интересовать советских зрителей?

Почему-то низкопробные переводные пьесы имеют особенный успех у работящих ленинградских театров. Недаром 13 декабря на пленуме Ленинградского городского комитета КПСС секретарь Куйбышевского райкома тов. Кирсанова говорила:

— За последнее время некоторые театры снизили требовательность к отбору репертуара, и в результате на сцену появляются пьесы, чуждые по своей направленности советской морали, вредящие делу воспитания молодежи. Таков, например, спектакль «Телефонный звонок», продолжая «традиции» американской гангстерской литературы. (Цитирую по газете «Вечерний Ленинград» за 14 декабря).

Бульварщина пытается пробить дорогу и в издательстве. Издательство литературы на иностранных языках опубликовало пухлый роман Дафна Ю Мурье — сочетание сентиментальных писаний блаженной памяти Лилии Чарской с детективами Агаты Кристи. В романе повествуется о том, как бедная компаньонка выходит замуж за богатого аристократа, как она попадает в высший свет и какие ее ждут на этой стезе: душещипательные переживания. Все складывается вполне благополучно после того, как она узнает, что ее аристократический супруг является убийцей (история убийства им его первой жены Ребекки — основной стержень романа). Убийство, которое когда-то совершил супруг и о котором потом узнала супруга, связывает их накрепко, и... они обретают покой и тихое семейное счастье.

Эта вредная чепуха издана у нас пока только на английском языке, но позволено спросить: почему наша молодежь должна изучать его по писаниям Дафна Ю Мурье? Разве английская литература не

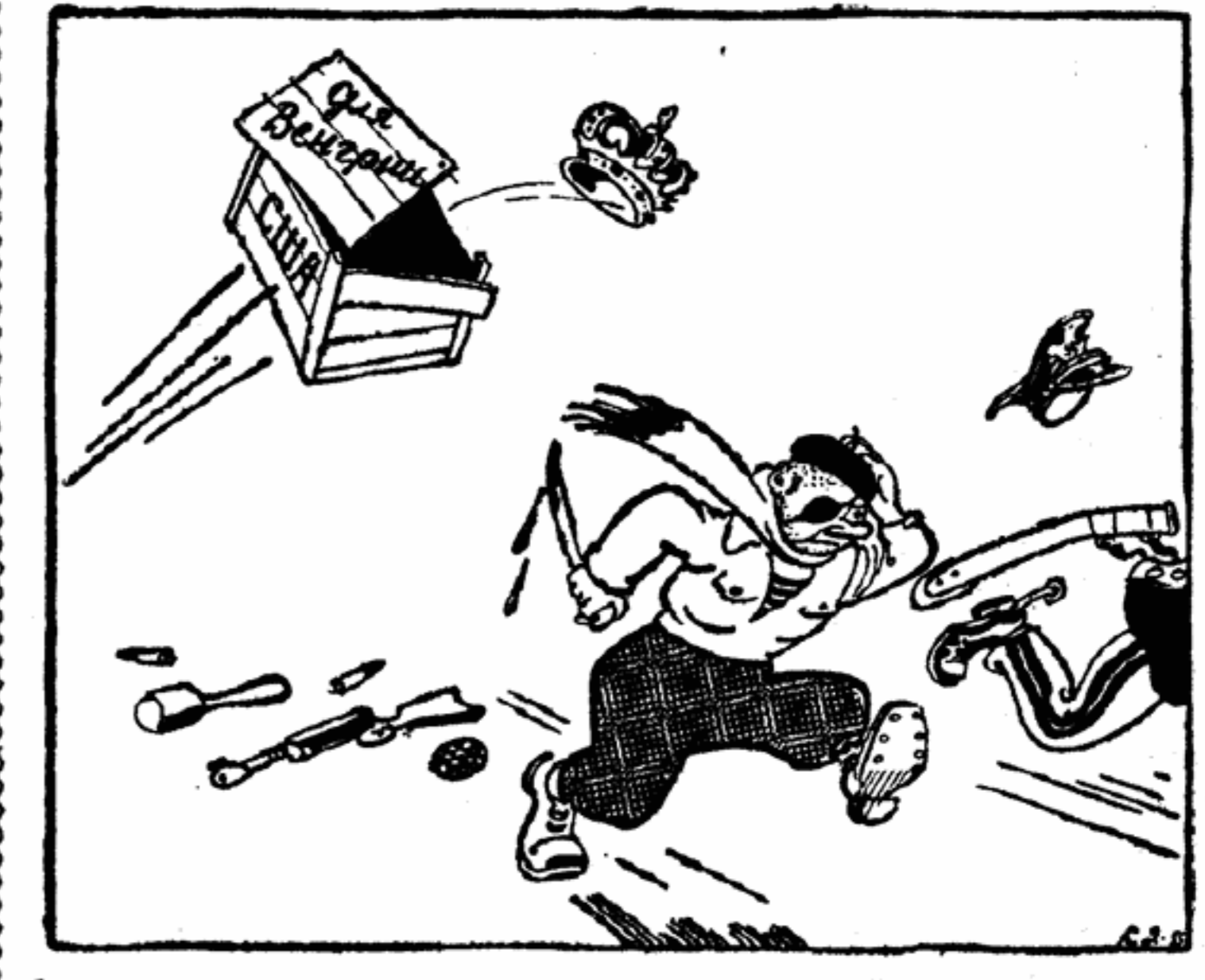
имеет классики, не имеет талантливых произведений современных авторов? Для того напора, который оказывает на наши издательские организации зарубежная бульварщина, характерна следующая деталь: на совещаниях по выработке плана одного из наших крупнейших издательств настойчиво выдвигалось предложение об издании русского перевода «Ребекки»; правда, это предложение не было принято.

НА СОРОКОВОМ ГОДУ советской власти переводные бульварные романы или пьесы о преступниках и смехихах не могут иметь у нас серьезного и длительного успеха. На первых порах какой-нибудь «Телефонный звонок» или «Ночной переполох» могут делать сборы и портить общественный вкус. Но зритель непременно спросит с тех, кто, потеряв чувство ответственности, делает ставку на снижение идейного и художественного уровня нашего искусства.

Спросит с них и наши зарубежные друзья. Иностранная комиссия Союза писателей получила письмо от прогрессивного английского писателя Джона Линдсея, в котором он выражает изумление, что у нас ставит пьесу «Телефонный звонок», — он справедливо называет ее «песней двадцатого сорта».

Мне думается, что проникновению бульварщины в наше искусство и нашу литературу должно помешать наше общественное мнение. В каждом театре идет своя общественная жизнь, имеется художественный совет, имеются партийная, комсомольская организации. Их роль — следить за тем, чтобы театр не представлял свою сцену для распространения буржуазной идеологии во всех ее проявлениях. Это относится и к нашей издательской общественности.

Два слова о политической ответственности переводчицы. Отвечая перед миллионами советских читателей и зрителей за свою работу в целом, переводчик, на мой взгляд, несет прежде всего ответственность за сделанный им выбор того или иного произведения зарубежной литературы. Постоянно низко ценят свое доброе имя те из наших переводчиков, которые тащат в театры и издательства всякую буржуазную дребедень.



Законский режиссер Как ни старался, как ни бился, но с постановкою — позор! Рис. К. Рогова

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.